

Влияние антироссийских санкций на Евразийский экономический союз¹

Е.В. Махмутова

Махмутова Евгения Викторовна – к.полит.н., доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ; Российская Федерация, 125993 (ГСП-3), Москва, Ленинградский просп., д. 49; E-mail: EVMakhmutova@fa.ru

В статье оценивается политико-экономическое влияние антироссийских санкций на функционирование Евразийского экономического союза (ЕАЭС), учрежденного в 2015 г.

Опираясь в своем анализе на интерпретацию поведения государств – членов ЕАЭС с позиции политического прагматизма, автор приходит к выводу, что наряду с официальной поддержкой евразийской интеграции страны-члены заинтересованы в развитии альтернативных проектов, укрепляющих их национальный суверенитет. Таким образом, основные угрозы Союзу следует ожидать преимущественно из политической сферы в связи с распространением альтернатив, направленных на подрыв отношений государств – членов с Россией.

Существует взаимосвязь между принятием странами Запада антироссийских санкций и темпами экономического развития ЕАЭС. Поскольку основная задача санкций заключается в ограничении возможностей страны проводить активную самостоятельную политику, включая развитие внешнеэкономических связей, антироссийские санкции неизбежно должны были повлиять на ЕАЭС и ее ключевых участников. В 2016 г. вслед за снижением ВВП России еще большее снижение продемонстрировали Белоруссия и Казахстан. Однако в дальнейшем страны не только вернулись на исходный уровень, но и смогли добиться роста ВВП. Такая динамика говорит в пользу выдвинутого автором предположения, согласно которому участники евразийского объединения имеют возможности для маневра в случае внешнего негативного влияния на их политико-экономическое развитие.

При этом не следует переоценивать внутренние ресурсы ЕАЭС для его динамичного развития. У Союза есть ряд проблем: небольшой совокупный ВВП в сравнении с ведущими экономиками мира, низкие темпы роста ВВП стран-членов, сравнительно низкая динамика роста численности населения. В таком контексте для ЕАЭС крайне важно расширение международного экономического влияния.

Учитывая различные интересы стран – членов ЕАЭС, автор приходит к выводу о том, что ключевым фактором, поддерживающим целостность Союза, по-прежнему будет оставаться прагматичная оценка его членами возможностей, которые они получают от участия в ЕАЭС, включая сохранение ими своей государственной идентичности и большую торгово-экономическую маневренность.

Ключевые слова: санкции; санкционная политика; односторонние ограничительные меры; Евразийский экономический союз; евразийская интеграция; Россия; Белоруссия; Казахстан; Армения; Киргизия

Для цитирования: Махмутова Е.В. (2019) Влияние антироссийских санкций на Евразийский экономический союз // Вестник международных организаций. Т. 14. № 3. С. 99–116 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-05.

---

¹ Статья поступила в редакцию в феврале 2019 г.

Введение

Евразийский экономический союз, действующий с 2015 г. как первый проект всеобъемлющей экономической интеграции на пространстве СНГ, столкнулся с необходимостью выработки решений в условиях внешнего санкционного давления на одного из драйверов интеграции – Россию. Перед остальными странами встала проблема поиска оптимальной модели взаимодействия в новых реалиях с учетом манифестации ими собственного национального интереса вне зависимости от российского видения. У каждой из стран – участниц ЕАЭС за годы независимости сформировался собственный опыт взаимодействия со странами – авторами санкционных действий в отношении России, что поставило перед ними вопрос, как сбалансировать экономический интерес в рамках интеграции при одновременном развитии контактов с внешними игроками без ущерба для себя.

Высокая зависимость экономик стран – участниц ЕАЭС от России не позволяет им дистанцироваться от евразийской интеграции, а членство в интеграционном объединении дает возможность нивелировать негативные влияния внешних экономических вызовов. Более того, уникальность развития ЕАЭС в условиях антироссийских санкций определяется в том числе отсутствием равнозначных и сопоставимых примеров развития интеграционных проектов в контексте санкционного давления на одного из ключевых участников объединения.

Теоретико-методологические основания анализа

Сегодня проблемам санкционного воздействия стран друг на друга в научной и публицистической литературе уделяется большое внимание. Этим инструментом стали активно пользоваться ведущие страны мира, пытаясь в ответ на меняющийся баланс сил между государствами восполнить неповоротливость системы международного права и механизмов поддержания международной стабильности, возникших во второй половине XX в. По оценкам МИД России, американские санкции применяются в отношении почти 70 стран мира [Рябков, 2019]. «Популярность» санкций обусловлена их способностью давать достаточно четкие сигналы от одних стран к другим по поводу несогласия с их позиционированием на мировой арене. Фактически санкционное воздействие становится элементом межгосударственного диалога в случае, если одна страна не может добиться от своего визави соответствующего действия конвенциональным способом. При этом отсутствие экономических возможностей у государства проводить собственную политику санкций может быть компенсировано примыканием к более «сильному» государству (или группе государств), уже осуществляющему санкционное воздействие на своего оппонента.

Таким образом, в международном общении начинают превалировать элементы индивидуалистического и некооперативного поведения государств в ущерб институциональному видению международного взаимодействия и коллективному подходу к международным вызовам.

Решения о санкциях в отношении государства в целом – прерогатива Совета Безопасности ООН, который, в отличие от ведущих мировых держав, использовал это право около 20 раз [Hufbauer et al., 2009]. Их цель – поддержание международной стабильности и безопасности. Отталкиваясь от этой логики, в большинстве случаев применения односторонних ограничительных мер страны, иницирующие санкции, ссылаются на недопустимое поведение своих оппонентов в вопросах, которые могут быть связаны с региональной или глобальной безопасностью. В некоторой степени во-

просы защиты прав человека посредством санкций уступили логике противодействия угрозам безопасности. Именно поэтому обоснование антироссийских санкций в последние годы все больше связывается с резонансными событиями, которые достаточно легко интерпретировать в терминах безопасности и военной угрозы: гражданская война на Юго-Востоке Украины, вхождение Крыма в состав России, «дело Скрипалей» [Connolly, 2018].

Основная задача санкций — ограничение возможностей страны, на которую направлены санкции, проводить активную самостоятельную внешнюю политику, включая развитие внешних экономических связей. Отсюда необходимыми последствиями должны стать изменение положения страны на мировой арене в направлении более управляемого и зависимого государства и внутривнутриполитическое реформирование, направленное на расширение прав гражданского общества (понимаемое в широком универсальном ключе, без учета национальной специфики).

Оставляя за скобками этичность таких решений, отметим, что как часть стратегии по формированию международной среды развития такой подход может быть эффективным, особенно если одному государству удастся сформировать коалицию единомышленников по введению санкций и изолировать другое государство от доступа к международным ресурсам и развития связей со своими традиционными (или «близкими по духу») партнерами [Тимофеев, 2018a].

Последнее обстоятельство особенно важно для целей данной работы. Далеко не все государства в мире «мотивированы» идти в фарватере стран-лидеров. Большое значение для ряда из них может иметь ценность сохранения своей идентичности, основанной на историческом наследии, традиционном восприятии общественных отношений (даже если это в современных условиях не отвечает принципам экономической эффективности). Эти принципы усиливаются в условиях выгодных с логистической и ресурсно-промышленной точек зрения перспективных проектов межгосударственного сотрудничества. Такие условия формируют предпосылки для региональной интеграции, в которой могут быть заинтересованы соответствующие политические элиты.

Следуя этой логике, региональная интеграция создает дополнительную степень свободы для каждой из стран объединения в случае санкционного воздействия на него со стороны государств, не входящих в объединение. В этом случае быстрая полная изоляция одной страны крайне затруднительна. Таким образом, участие в интеграционном объединении создает поле для маневра для стран-членов в случае внешнего негативного влияния на их политико-экономическое развитие.

Один из ярких примеров последних лет — реакция стран южноамериканского общего рынка МЕРКОСУР на внутривнутриполитические процессы в Венесуэле летом 2017 г. Несмотря на принятие решения приостановить членство Венесуэлы в интеграционном объединении, какие-либо меры санкционного характера не были приняты.

В таком контексте пример антироссийских санкций и роль Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в противостоянии им выглядит достаточно показательным. Однако всестороннего исследования заслуживает вопрос о том, является ли экономический союз способом нивелирования негативного санкционного эффекта (от прямых и ответных санкций) и каково отношение государств — членов интеграционного образования к таким вызовам. Этот вопрос составляет ключевую исследовательскую проблему данной статьи.

Несмотря на очевидную связь развития евразийской интеграции с либеральными и институциональными подходами к объяснению динамики отношений между государствами одного региона, в действиях государств — членов ЕАЭС явно прослеживается прагматичный подход к Союзу в духе школы реализма. И это объяснимо, по-

сколькx государства постсоветского пространства из числа бывших республик СССР по-прежнему ощущают потребность в укреплении собственной международно-политической субъектности, отработке различных внешне- и внутривполитических альтернатив развития. Отталкиваясь от этой потребности, они готовы рассматривать различные варианты межгосударственных связей и контактов, которые позволят укреплять их позиции в региональном и глобальном контексте. Приняв за основу указанную логику, в данной работе с методологической стороны используется анализ политического поведения государства в рамках ЕАЭС. Основываясь на представлении о прагматичности внешней политики государств – членов Союза, мы предлагаем сценарии с точки зрения наибольшего соответствия национальным интересам каждой страны ЕАЭС в связи с введенными в 2014 г. санкциями в отношении России. Вместе с тем анализ возможных действий России не проводился, поскольку российская сторона выступает в качестве своеобразной независимой переменной, значительным образом определяющей развитие ЕАЭС.

Проблемы Евразийского экономического союза в современных условиях

ЕАЭС, задуманный исключительно как проект экономической интеграции, находится в стадии формирования единого экономического пространства, в рамках которого предполагается проведение скоординированной, согласованной и единой политики в различных областях экономического регулирования, а также регулирование различных отраслей путем создания единых и общих рынков. Одной из ключевых задач ЕАЭС является формирование секторальных общих рынков ЕАЭС в структуроопределяющих областях экономики, которые в будущем станут основой для образования общего рынка союза [Хейфец, 2019].

Прежде чем перейти к изучению влияния санкций на динамику политических отношений в рамках ЕАЭС, необходимо выделить содержательные аспекты понятия «санкции», используемые в данной статье.

По мнению исследователя И. Тимофеева, санкции означают прямое или косвенное вмешательство одной страны в процесс принятия решений другой, то есть наличие инструментов ограничения суверенитета [Тимофеев, 2018b]. Цели санкций могут быть разнообразными – от смены политического режима до ограничения военного потенциала какой-либо страны. Содержательное наполнение экономических санкций, как правило, сводится к торговым и финансовым ограничениям. Причем в отношении России были введены именно санкции, а не задействованы инструменты торговой войны. Как отмечает И. Тимофеев, санкции от торговых войн отличает, во-первых, партнерский характер участников, а во-вторых, торговые войны, как правило, не влияют на принятие внутривполитических решений [Там же]. В случае с антироссийскими санкциями их цель заключалась в изменении политики России в отношении Украины и пересмотре решения о признании Крыма частью Российской Федерации, а в случае санкций США – еще и сдерживание внешнеполитического потенциала России.

Таким образом, ограничительные меры, предпринятые странами Запада в отношении России, среди которых замораживание активов и ограничение на перемещение для лиц, включенных в специальные списки, запрет компаниям поддерживать деловое общение с российскими коллегами из «черного списка», запрет на инвестиции в транспортные, инфраструктурные, энергетические проекты с участием России, запрет европейским финансовым структурам кредитовать подсанкционные проекты, являются

примером санкционного давления с целью влияния на принятие политического решения российским руководством. Непосредственно к политическим мерам давления можно отнести исключение России из G8, сворачивание регулярного политического диалога по линии Россия – США, Россия – ЕС. Кроме того, косвенное влияние санкции оказали и на целостность ЕАЭС, где Россия выступает в роли экономического драйвера.

Экономические санкции, введенные в отношении России в 2014 г. странами Запада, фактически стали первым серьезным испытанием для ЕАЭС. В том же 2014 г. Россия приняла встречные меры в отношении стран Запада, присоединившихся к давлению на Россию (продовольственное эмбарго). Они включали в себя запрет на ввоз отдельных видов сырья и продовольствия из стран, поддержавших антироссийские санкции.

Договор о создании ЕАЭС был подписан главами России, Белоруссии и Казахстана в то время, когда уже действовали первые ограничительные меры в отношении российских политиков. А к моменту фактического запуска ЕАЭС 1 января 2015 г. санкционные списки были значительно расширены за счет банковского и финансового сектора, российских промышленных, оборонных, сырьевых, нефтегазовых компаний.

Западные санкции применялись к двум государствам – членам ЕАЭС: России и Белоруссии. Как показали дальнейшие события, для Белоруссии санкционное воздействие продлилось до 2016 г., когда постепенно санкции в отношении страны сняли ЕС и Канада [Долинин, 2017], а США приостановили действие своих ограничительных мер. Таким образом, введенные по результатам президентских выборов в Белоруссии в 2006 г. санкции просуществовали в течение десяти лет, практически не оказав существенного влияния на экономику страны. Во многом это связано с невысокой взаимозависимостью экономики Белоруссии с экономиками США, Канады и ЕС.

Антироссийские санкции, напротив, только набирали обороты в результате развивающегося украинского кризиса. Появившись в отношениях России и Запада в 2014 г., санкции заняли прочные позиции в переговорной практике сторон. Таким образом, на фоне развивающегося нового международного интеграционного объединения с активным и заинтересованным участием России все большее внимание уделялось со стороны ЕС, США и других стран «Большой семерки» воздействию на политику России посредством ограничительных мер.

На этом фоне закономерным является вопрос о прочности Союза, в функционировании которого роль российской экономики, инновационных решений и возможностей к укреплению международного имиджа ЕАЭС, предлагаемые Россией, являются решающими. Россия как экономический драйвер евразийского интеграционного проекта столкнулась с необходимостью форсировать углубление интеграционных процессов внутри ЕАЭС с целью развития альтернативных источников экономического развития в условиях возросшего внешнего давления.

К моменту официального старта евразийского интеграционного проекта совокупный ВВП стран ЕАЭС составлял 1,632 трлн долл. [ЕЭК, 2014]. В сравнении с общемировыми показателями это достаточно скромно. Например, ВВП только одного Китая в тот же период, в 2015 г., составлял 10,48 трлн долл.² В Германии в том же году этот показатель составил 3,38 трлн долл., в Великобритании – 2,9 трлн долл., а в Индии – 2,1 трлн долл.³

² По данным Всемирного банка [WB, n. d. a].

³ По данным Всемирного банка [WB, n. d. b].

Таблица 1. Объем ВВП государств – членов Евразийского экономического союза в 2015–2018 гг., млн долл. США, в текущих ценах

Государство – член ЕАЭС	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Армения	10 553	10 546	11 537	12 428
Белоруссия	55 317	47 478	54 413	59 585
Казахстан	184 387	137 278	162 887	172 939
Киргизия	6 678	6 813	7 565	8 093
Россия	1 374 665	1 285 713	1 577 870	1 660 950
<i>Итого</i>	<i>1 631 600</i>	<i>1 487 829</i>	<i>1 814 272</i>	<i>1 913 995</i>

Источник: [ЕЭК, n. d. a].

Таблица 2. Динамика прироста ВВП государств – членов Евразийского экономического союза в 2015–2018 гг., % к предыдущему году, в текущих ценах

Государство – член ЕАЭС	2016 г. (по отношению к 2015 г.)	2017 г. (по отношению к 2016 г.)	2018 г. (по отношению к 2017 г.)
Армения	–0,07	9,40	7,72
Белоруссия	–14,17	14,61	9,51
Казахстан	–25,55	18,65	6,17
Киргизия	2,02	11,04	6,98
Россия	–6,47	22,72	5,27
<i>Итого</i>	<i>–8,81</i>	<i>21,94</i>	<i>5,50</i>

Источник: [ЕЭК, n. d. a].

Анализ динамики изменений ВВП государств – членов ЕАЭС показывает, что развитие национальных экономик не было стабильно позитивным, несмотря на заметное увеличение ВВП ЕАЭС в целом за 2015–2018 гг. (прирост составил 17,3%). Формально устойчивый рост продемонстрировали Армения и Киргизия. Белоруссия, Казахстан и Россия показали заметную взаимозависимость в динамике ВВП. Вслед за падением ВВП в 2016 г. во всех трех странах, что в значительной мере связано с антироссийскими санкциями, наметился экономический рост.

Таким образом, ЕАЭС и к моменту старта своей работы, и позже жизненно необходимо расширение своего международного экономического влияния, поиск новых рынков сбыта своей продукции и, если брать политический аспект, поиск альтернатив западному давлению.

Несмотря на сложный геополитический фон, российское руководство рассматривает возможность объединения потенциалов ЕАЭС со своими крупнейшими рынками-партнерами – Европейским союзом и Китаем. В 2015 г. в ходе переговоров В. Путина и председателя КНР Си Цзиньпина было принято решение о сопряжении ЕАЭС и Экономического пояса Великого шелкового пути. В 2018 г. было подписано неpreferенциальное соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем. По мнению экономиста А.Н. Спартака, такого рода сближение – реакция сторон (и прежде всего, самого Китая) на интеграционную неопределенность и примитивизацию торговой политики в западном мире, в то время как западный мир все более интенсивно идет по пути мегарегионализма [Спартак, 2019].

Подписаны соглашения о зоне свободной торговли (ЗСТ) с Вьетнамом и временное соглашение с Ираном как мягкая форма развития сети контактов в противовес полноценному членству. Подписан ряд меморандумов между ЕАЭС и правительствами иностранных государств, что говорит о перспективах развития углубленных торгово-экономических связей с международными партнерами. Намерение сотрудничать выразили Монголия, Чили, Перу, Республика Корея, Сингапур, Камбоджа, Молдова, Греция, Иордания, Эквадор, Куба, Фарерские острова, Таиланд. Такая стратегия все же снижает эффективность санкционного воздействия на государства-члены. Для некоторых из отмеченных стран данная возможность имеет практический характер, поскольку на них распространяется влияние американских санкций.

Россия, будучи одним из локомотивов евразийской интеграции, заинтересована в сохранении и расширении своего влияния на евразийском пространстве. ЕАЭС – это объединение разновеликих сил, в котором вклад каждого из участников пропорционален его уровню экономического развития. ЕАЭС зависит от российской экономики, и одна из целей санкций – политическое давление на союзников России по ЕАЭС с целью общего сокращения российского влияния в регионе.

Фактически начало функционирования ЕАЭС пришлось на действие антироссийских санкций. Осознавая вероятное влияние санкций против России на экономики всех стран ЕАЭС и потенциальных участников объединения (а также сворачивание полноценного диалога между Россией и большинством стран Запада), другие участники ЕАЭС подчеркивали исключительно экономический характер евразийского интеграционного проекта, отсекая политическую составляющую. Например, среди последовательных адептов экономического взаимодействия в рамках ЕАЭС – Казахстан, руководство которого отрицает переход на любой другой уровень интеграции, кроме экономического [Mir24.tv, 2018]. Это позволило странам – участницам ЕАЭС сохранить наработанные торгово-экономические связи с западными странами, поддерживать и развивать политические отношения с ними в условиях напряженной геополитической обстановки 2014–2015 гг. [Кузьмина, 2015].

Принимая во внимание уникальность санкционного воздействия на Россию как государство – члена ЕАЭС, можно предположить, что такого рода опыт имеет как положительные, так и отрицательные последствия для всего евразийского экономического проекта.

Оценка последствий санкционной политики в отношении России в контексте евразийской интеграции в 2015–2019 гг.

Несмотря на сложные геополитические условия, политико-экономическое давление на одного из ключевых участников объединения, сложности, связанные с адаптацией бизнес-структур, предприятий с государственным участием и органов государственной власти (прежде всего из экономического блока) стран ЕАЭС к новым условиям работы в форматах формирующихся общих и единых рынков на евразийском экономическом пространстве, взаимный интерес к торговле друг с другом у стран ЕАЭС усиливается, хотя этот показатель остается по-прежнему крайне низким. Так, если к 2015 г. объем взаимной торговли составлял 11,7% к общему объему торговли, то уже к 2018 г. этот показатель вырос до 14,5% [ЕЭК, 2018]. В данном случае сложно однозначно утверждать, что санкции сыграли решающую роль в росте взаимного товарооборота. Возможно, их влияние было скорее информационным и фоновым для участников рынка из стран

ЕАЭС. Определяющее значение имеет, прежде всего, проводимая ЕЭК политика по устранению изъятий, взаимных ограничений и барьеров во внутренней торговле ЕАЭС, притом что спустя пять лет после официального запуска ЕАЭС не все ограничения удалось устранить.

По данным ЕЭК [ЕЭК, 2018], 85,5% объема торговли товарами ЕАЭС – это внешняя торговля с третьими странами. Причем наибольший показатель в процентах к общему итогу именно у России (91,1%). На втором месте другой ключевой игрок ЕАЭС – Казахстан (77,6%), третье место занимает Армения (71%). Показатель внутренней торговли над внешней превышен только у Белоруссии – 47,5% идет на внешний рынок. Если обратиться к статистике ЕАЭС по объемам взаимной торговли за январь – ноябрь 2018 г. (последние данные на момент подготовки статьи), то цифры следующие. Объем взаимной торговли составил 54 621 млрд долл. Лидером остается Россия (65,2% к итогу по ЕАЭС), на втором месте – Белоруссия (23,2% к общему итогу по ЕАЭС) [ЕЭК, n. d. b].

Ведущим экспортером своих товаров на рынок ЕАЭС является Россия (63,4%), а первое место по объему импорта принадлежит Белоруссии (37%). В случае с Белоруссией можно сделать допущение о том, что в данной статистике учитывается реэкспортированный из стран Евросоюза товар, идущий в Россию уже под видом белорусского.

Подобная статистика позволяет говорить о том, что, несмотря на санкционный режим, общий негативный геополитический и экономический фон, торговля с третьими странами существенно преобладает, а емкость внутривосточного рынка не позволяет ему компенсировать те объемы рынка, которые в первую очередь Россия утратила с введением санкций и контрсанкций.

Дело в том, что и демографические показатели стран ЕАЭС не позволяют делать оптимистичные прогнозы относительно высокого потенциала личного потребления произведенной на евразийском пространстве продукции. На момент старта ЕАЭС 1 января 2015 г. численность населения Союза составляла 182069,5 тыс. человек [ЕЭК, 2014]. Темпы прироста в целом по Союзу незначительные – от 0,11 до 0,35% ежегодно (основной вклад в прирост населения обеспечивают Казахстан и Киргизия – около 1,15–1,65% в среднем с 2015 г. каждая страна ежегодно)⁴. Отмеченная тенденция позволяет прогнозировать сохраняющуюся заинтересованность стран ЕАЭС в активном поддержании внешних торгово-экономических связей.

К тому же если посмотреть на структуру взаимной торговли между странами ЕАЭС [ЕЭК, 2018], то к 2018 г. первое место занимали минеральные продукты (27,7% от общего объема). На втором месте машины, оборудование и транспортные средства (18,5%). То есть в структуре взаимной торговли преобладают товары, не востребованные рядовыми гражданами напрямую, а за продукцией легкой промышленности и сельского хозяйства приходится по-прежнему обращаться на внешние рынки.

Еще одной острой проблемой ЕАЭС стал вопрос ухода от привязки к доллару США во взаимных расчетах и переход на единую валюту. И хотя этот вопрос остается дискуссионным на протяжении многих лет, именно в период функционирования ЕАЭС к нему обращено особенно пристальное внимание. Следует отметить, что ослабление рубля в 2014 г., после первой волны антироссийских санкций, привело к последовательным колебаниями и на рынках валют почти всех стран ЕАЭС. Особенно острое ослабление национальной валюты тенге, которая сильно привязана к рублю, ощутил Казахстан. Это вызвало в стране полярные мнения как о необходимости уйти от российской валюты, проводить самостоятельную курсовую политику, так и о еще более тесном сближении национальных валют вплоть до полного отказа от доллара

⁴ Рассчитано на основе данных ЕЭК [ЕЭК, n. d. b].

в торговле между странами ЕАЭС. Более того, Казахстан как один из локомотивов евразийской интеграции стал площадкой для разного рода политических дискуссий о необходимости не просто ухода от рублевой зависимости, но и в целом выхода из евразийского проекта на фоне санкций против России [Данилин, 2018].

На сегодняшний день участники ЕАЭС не выработали единый механизм реагирования на подобные внешние вызовы, поэтому их действия носят ситуативный характер и основываются в большей степени на личных договоренностях глав государств, нежели на имеющихся институциональных практиках.

Решение России о введении в 2014 г. контрсанкций было односторонним, поскольку ни один из участников Таможенного союза к этому решению не присоединился. Соответственно, торговая политика внутри ЕАЭС перестала быть согласованной уже к моменту своего создания (2015 г.) [Суслин, 2016]. При этом автоматически возникли и по-прежнему сохраняют актуальность вопросы поставки западных товаров через территории отдельных стран ЕАЭС в Россию, прежде всего через Белоруссию [Кнобель, 2015; Дробот, Абросимова, Савицкая, 2017]. В общей конструкции такая ситуация входит в противоречие с функционированием единой таможенной территории, поскольку при пересечении внешней таможенной границы товар должен свободно перемещаться внутри интеграционного объединения.

Создается противоречивая ситуация, при которой белорусские товары могут беспрепятственно попадать на российский рынок, однако товары из списка запрещенных стран ввозить нельзя. Для определения страны происхождения товара в рамках ЕАЭС длительное время использовались соответствующие позиции соглашения «О Единых правилах определения страны происхождения товаров» от 25.01.2008 (не действует с 12.01.2019). В документе указывается, что товар считается произведенным на территории страны, в случае если товары были полностью произведены или подвергнуты достаточной переработке. При этом под страной происхождения товаров могут пониматься группа стран либо таможенные союзы стран, либо регион или часть страны, если имеется необходимость их выделения для целей определения страны происхождения товаров.

Отсутствие у стран-участниц единых принципов урегулирования подобных проблемных вопросов приводит к тому, что полноценное функционирование единого таможенного пространства становится затруднительным. Страны – участницы ЕАЭС (а это, помимо Белоруссии, главным образом Армения и Казахстан), получают возможность извлекать выгоду из сложившейся ситуации путем реэкспорта в Россию запрещенных для ввоза из ЕС товаров. В частности, после введения Россией запрета на поставки европейской сельхозпродукции кратный прирост наблюдался в экспорте яблок из Белоруссии в Россию в 2015 г. по сравнению с 2014 г. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, за январь – декабрь 2014 г. в Россию ввезено 254 тыс. тонн свежих яблок, а уже за аналогичный период 2015 г. – 518 тыс. тонн. Ощутимая разница в объемах экспорта товара, попавшего под эмбарго в России, наблюдается и в отношении мяса. Так, если за 2014 г. в Россию было ввезено 2409 кг свинины свежей и охлажденной, то уже за 2015 г. – 17616 кг⁵. То есть в случае с Белоруссией наиболее заметен прирост товаров, находящихся под санкциями в России. Российские контрольные органы проводили проверки на предмет соответствия ввозимой из Белоруссии сельскохозяйственной продукции законодательству РФ, однако отсутствие контроля на российско-белорусской границе в соответствии с базо-

⁵ По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь [Национальный статистический комитет Республики Беларусь, n. d.].

вым принципом ЕАЭС о свободном перемещении товаров затрудняет процесс упорядочивания поставок сельхозпродукции в Россию. Сложившаяся ситуация, помимо экономического аспекта, выявила заметные политические противоречия между Россией как локомотивом ЕАЭС и Беларуссией как ключевым союзником России в регионе. Белоруссия, по мнению А. Суздальцева, избрала для себя путь балансирования между конфликтующими центрами – Россией и странами Запада, стремясь извлечь из ситуации как финансово-экономические, так и геополитические выгоды [Суздальцев, 2019].

Кроме того, западные инвесторы получают возможность создавать на территории Белоруссии и Казахстана производства и в дальнейшем выходить уже на российский рынок без пошлин и каких-либо других ограничений. Во-вторых, функционирование ЕАЭС подразумевает отсутствие таможенной границы между Россией и Беларуссией⁶, и товары из запрещенного списка беспрепятственно проникают на территорию России. В-третьих, если контрольные органы России выполняют свои функции в полной мере, то фактически это означает возврат контроля на границе России и Белоруссии, что противоречит принципу свободного передвижения товаров, а значит, и самой логике экономического союза.

Похожую позицию занимает и руководство Казахстана, с одной стороны, позитивно оценивая саму идею евразийской интеграции, но с другой – отстаивая приоритетный принцип национального суверенитета и избегая углубления интеграции. Для Казахстана оптимальным был бы статус «моста» между Азией и Европой [Мальшева, 2019].

Политические вызовы санкций для евразийской интеграции: ключевые факторы и возможные альтернативы развития

Основные угрозы Союзу в настоящее время исходят преимущественно из политической сферы. Они неизбежно связаны с активным распространением альтернатив, расшатывающих основы ЕАЭС и направленные на подрыв отношений государств-членов с Россией. Серьезный прорыв в укреплении самостоятельности (от России) и развитии альтернативных ЕАЭС проектов возможен при проведении в жизнь каждой из стран весьма болезненных решений.

В случае с *Белоруссией* будет сохраняться актуальность развития открытости политического режима. С началом «минского процесса» страна показала приверженность ценности международного диалога. Более того, свобода перемещения как один из показателей развития прав человека в Белоруссии имеет широкую поддержку. Например, отмечается, что по числу «шенгенских виз» на душу населения страна входит в число лидеров. В январе 2017 г. указом президента Республики Беларусь был установлен безвизовый режим для иностранцев из 80 стран при нахождении на территории страны не более пяти суток в случае въезда через Национальный аэропорт Минска (Указ № 8 «Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан» от 09.01.2017) [Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь, 2017]. Однако указанные изменения могут быть недостаточными в контексте новых выборов и обострения политической борьбы, за которой, как правило, пристально наблюдают на Западе. Будет сохранять актуальность экономическое развитие, которое в отрыве от России пока дается с трудом. Учитывая отмеченные аспекты, западные партнеры

⁶ В большей степени данная проблема касается именно российско-белорусской границы, поскольку через нее проходит основной поток запрещенных к ввозу в Россию товаров из ЕС.

Белоруссии рассчитывают вовлечь страну в различные проекты, альтернативные евразийской интеграции [Barakhvostov, Rusakovich, 2017; Tony van der Togt, 2017]. А санкционное воздействие может вновь стать следствием негативной оценки Западом соблюдения прав человека в Белоруссии.

В *Армении* с приходом к власти оппозиционных сил в мае 2018 г. актуализировался вопрос о внешнеполитических приоритетах. В 2015 г., когда Армения принимала решение о вступлении в ЕАЭС, российский фактор играл фактически решающую роль. Для обеих сторон в том контексте это было взаимоприемлемое решение. Но можно ли его назвать стратегическим? Премьер-министр Армении Н. Пашинян пытался найти новые источники для развития страны, не разрушая конструктивные связи, наработанные в прошлом. Задачу трудно назвать легковыполнимой, учитывая географическое положение Армении и исторические связи с ее соседями. Одним из вариантов может стать развитие связей с Грузией и Турцией с последующим более активным вовлечением Армении в проекты, связанные с Черноморским регионом. И хотя этот подход сегодня едва ли может иметь серьезную поддержку, в условиях поиска альтернатив евразийской интеграции при активном содействии такому диалогу извне он может стать заметным вызовом ЕАЭС. Едва ли в существующем контексте следует ожидать введение санкций против Армении за тесное взаимодействие с Россией. Однако стимулирование к использованию других возможностей может стать основной стратегией стран, стремящихся снизить уровень контактов России и Армении.

Для *Казахстана* – фактически одного из ключевых инициаторов евразийских проектов интеграции – любые альтернативы ЕАЭС могут затрагивать смену стратегических планов развития. Однако это не отменяет необходимость развития собственных экономических позиций и выработку новой позитивной повестки для отношений с Россией. Одной из альтернатив евразийской интеграции может стать усиление контактов Казахстана и Китая, а также перевод в практическую плоскость обсуждения самостоятельной центральноазиатской интеграции, к которой Казахстан наряду с Узбекистаном проявляет определенный интерес [Махмутова, 2018]. Сегодня нарастающее внимание к такому сотрудничеству внутри Центральноазиатского региона демонстрирует Европейский союз, который с 2007 г. развивает Стратегию нового партнерства с регионом. Предполагается, что центральноазиатская стратегия будет адаптирована к Глобальной стратегии ЕС до конца 2019 г. Несмотря на возможности укрепления связей с европейскими странами, Казахстан едва ли сможет продвинуть инициативу сотрудничества между ЕАЭС и ЕС и получить от этого положительный эффект. Как и в предыдущих случаях с Белоруссией и Арменией, Казахстан будет находиться под пристальным вниманием западных стран, для которых вовлечение Казахстана в альтернативные ЕАЭС проекты может быть одной из желаемых целей.

Для *Киргизии* серьезным вызовом участия в евразийской интеграции остается собственный промышленный и кадровый потенциал, необходимый для активного участия в ЕАЭС. Полноценные альтернативы такому участию практически отсутствуют. Любой другой проект, предложенный соседними центральноазиатскими государствами или Китаем, не будет предполагать сотрудничество с Киргизией как равноправным партнером. Такая перспектива заставляет власти страны уделять приоритетное внимание ЕАЭС. Вместе с тем сохраняется возможность для более активного вхождения на киргизский рынок институтов и организаций, связанных с исламской экономикой. Однако такая альтернатива может не найти поддержки у действующих партнеров республики и маргинализировать страну в рамках региона Центральной Азии в целом. Чтобы удержаться в русле выбранных приоритетов евразийской интеграции, Киргизии необходимо в еще более интенсивном режиме заниматься современным промышлен-

ным развитием и подготовкой кадров для современной экономики, а также выстроить четкие и прагматичные взаимоотношения с соседними государствами.

Предложенные сценарии имеют альтернативный характер для государств – членов ЕАЭС в их сотрудничестве с Россией и могут получить дополнительный стимул к реализации в случае усиления противоречий между Россией и Западом. Опыт применения санкций показывает, что наибольшей эффективностью они обладают при комплексном использовании, когда есть коалиция стран, применяющих санкции в отношении своего оппонента, а государствам, не принявшим четко чью-либо сторону, наряду с «негативной» мотивацией быть отнесенными к числу нарушителей санкционного режима, предлагается альтернатива сотрудничеству со страной «под санкциями». Именно поэтому оценка потенциала альтернатив евразийской интеграции может иметь большое практическое значение, особенно при стремлении западных стран продолжить санкционное давление на Россию.

Несмотря на экономическую составляющую, санкции в значительной степени оказали влияние на политический контекст развития ЕАЭС, в частности, обнажили существующую конкуренцию между участниками. В данном случае можно выделить несколько «болевых точек», которые будут определять развитие ЕАЭС в среднесрочной перспективе. Для этого объединим страны по группам.

Прежде всего, тенденция к независимости в рамках ЕАЭС со стороны драйверов его интеграции – Белоруссии и Казахстана. Поддерживая в общем линию на углубление экономической интеграции, лидеры этих стран регулярно подчеркивают свою самостоятельность в принятии политических решений. Курс на импортозамещение, взятый Россией в 2014 г. после введения контрасанкций, позволил белорусским и казахстанским производителям увеличить присутствие на российском рынке, и в этом смысле есть основания предполагать, что эти страны и далее будут придерживаться курса на евразийскую интеграцию. В то же время весьма осторожно в Белоруссии и Казахстане относятся к сценарию втягивания в орбиту российских политических и экономических интересов, что будет определять характер отношений между ключевыми игроками в среднесрочной перспективе. Поскольку Россия обладает наибольшим экономическим потенциалом, следовательно, она имеет возможность оказывать политическое влияние на партнеров по ЕАЭС. Учитывая, что построение единого рынка остается преобладающим интересом, для достижения целей ЕАЭС России приходится прибегать к политическим мерам. В частности, рассуждая о расширении сети контактов ЕАЭС, нужно учитывать, что ощутимой выгоды от создания многочисленных ЗСТ сам союз и его участники не получают, однако этот шаг позволяет России преодолевать последствия санкций.

Еще одним направлением, которое будет влиять на динамику развития ЕАЭС, является более активное и содержательное вовлечение в евразийскую интеграцию Армении и Киргизии. Эти страны вступили на путь евразийской интеграции сравнительно недавно (по сравнению с Россией, Белоруссией и Казахстаном, которые пришли в ЕАЭС через Таможенный союз). Принимая во внимание политическую нестабильность и сложное экономическое положение Армении и Киргизии, можно утверждать, что в основу их интеграционных устремлений лег мотив обеспечения национальной безопасности, чем они и будут руководствоваться в дальнейшем при принятии решений в рамках ЕАЭС.

Учитывая неравномерный характер экономического развития стран – членов ЕАЭС и их разнонаправленные интересы, можно предположить, что эти страны (за исключением России, вокруг которой в большинстве случаев и строится политический дискурс на пространстве ЕАЭС) будут и впредь подчеркивать свой государственный

суверенитет и придерживаться его в своем поведении. Попытки России обойти внешнее давление за счет институтов и проектов развития в рамках ЕАЭС будут сталкиваться с осторожным, а в значительной степени и жестким противодействием национальных элит, опасющихся роста политического влияния России на своей территории.

Заключение

На основании проведенного анализа развития отношений государств – членов ЕАЭС в условиях антироссийских санкций за период с 2015 по 2019 г. можно сформулировать следующие выводы.

1. Сложившийся неблагоприятный политический и экономический контекст вокруг России как локомотива евразийской интеграции поставил других участников в затруднительное положение. С одной стороны, логика евразийской интеграции предполагает консолидацию позиций со своим партнером, оказание ему содействия и поддержки, но в то же время у каждого из участников интеграционного проекта есть собственный опыт взаимодействия с другими странами и собственный экономический интерес. Этим обусловлено наличие разновекторных подходов к достижению ключевой цели ЕАЭС – формированию единого экономического пространства.
2. Логика интеграции подразумевает укрепление взаимной торговли внутри ЕАЭС (смещение торговой и инвестиционной активности вглубь интеграционного проекта, переход к политике импортозамещения и фокусировка на товарах собственного производства и продукции из стран – союзниц по евразийскому проекту). В таком контексте любое санкционное воздействие на страны, поддерживающие евразийскую интеграцию, имеет ограниченное по эффективности и по времени действие при условии отсутствия дополнительного военно-политического давления со стороны стран – инициаторов санкций.
3. В кризисный период страны ЕАЭС получают преференциальный доступ на рынки стран-партнеров (прежде всего, наиболее емкий российский рынок), что может заметно способствовать преодолению кризисных явлений. У государств-членов появляется большая торгово-экономическая маневренность по сравнению с игроками вне интеграционного объединения.
4. Несмотря на подчеркнута экономический характер ЕАЭС, отношения внутри евразийского интеграционного проекта имеют выраженную политическую составляющую. Это объясняется неравномерным экономическим развитием всех участников, наличием выраженного лидера, способного аккумулировать экономический потенциал всех остальных участников ЕАЭС, а также разнообразием интересов, с которыми все участники вступили на путь интеграции. Углубление интеграции путем стремления к согласованности и компромиссам в принятии решений в рамках ЕАЭС могло быть стать механизмом преодоления политизации ЕАЭС.

Источники

Данилин Н. (2018) Скажут, что Казахстан вновь воткнул нож в спину России – Сатпаев о том, почему РК не должна отвечать на санкции против РФ. Режим доступа: <https://tehnovar.ru/87053-skazhut-cto-kazahstan-vnov-votknul-nozh-v-spinu-rossii-satpaev-o-tom-pochemu-rk-ne-dolzha-otvechat-na-sankcii-protiv-rf.html> (дата обращения: 15.12.2019).

Долинин В. (2017) Символический шаг: какие страны вслед за Канадой могут снять санкции с Белоруссии // *Russia Today*. 12 июля. Режим доступа: <https://russian.rt.com/ussr/article/408411-kanada-snyala-sankcii-belorussiya> (дата обращения: 24.12.2018).

Дробот Е.В., Абросимова А.С., Савицкая К.С. (2017) Влияние санкций на формирование Евразийского экономического союза // *Экономические отношения*. Т. 7. № 1. С. 55–63.

Евразийская экономическая комиссия (2014а) Анализ стратегий интеграционного сотрудничества (моделей реализации интеграционного потенциала) наиболее известных интеграционных объединений мира. Режим доступа: eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/investigations/Documents/Анализ%20интеграционных%20объединений.pdf (дата обращения: 15.12.2018).

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) (2014б) Государства – члены Таможенного союза и единого экономического пространства: крат. стат. сб. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Brief_Statistics_Yearbook_2014.pdf (дата обращения: 15.12.2018).

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) (2018) Евразийский экономический союз в цифрах: крат. стат. сб. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Brief_Statistics_Yearbook_2018.pdf (дата обращения: 15.12.2018).

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) (n. d. a) Национальные счета. Режим доступа: http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/national.aspx (дата обращения: 15.12.2018).

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) (n. d. b) Население. Режим доступа: http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/population.aspx (дата обращения: 15.12.2019).

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) (n. d. c) Объемы, темпы и пропорции развития взаимной торговли государств – членов ЕАЭС. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/2018/11/I201811_1.pdf#view=fitV (дата обращения: 15.12.2018).

Евразийский банк развития (2016) Региональные организации: типы и логика развития. Режим доступа: https://www.eabr.org/upload/iblock/087/edbcentre_2016_report-37_regional-organizations_rus.pdf (дата обращения: 15.12.2018).

Кнобель А.Ю. (2015) Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // *Вопросы экономики*. № 3. С. 87–108.

Кузьмина Е.М. (2015) Евразийский экономический союз: испытание кризисом // *Проблемы постсоветского пространства*. № 1. С. 5–16.

Малышева Д.Б. (2019) Политическое взаимодействие центральноазиатских участников ЕАЭС и Европейского союза // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 12. № 2. С. 98–116.

Махмутова Е.В. (2018) Центральная Азия в поисках собственной интеграционной модели // *Вестник МГИМО-Университета*. Т. 61. № 4. С. 78–91.

Мигранян А. (2014) ЕАЭС: сегодня и завтра // Политологический центр «Север – Юг». Режим доступа: <http://pcsu.ru/aza-мигранян-еаэс-сегодня-завтра> (дата обращения: 15.12.2018).

Национальный статистический комитет Республики Беларусь (n. d.) Экспорт и импорт товаров в 2014–2015 гг. (6 знаков ТН ВЭД ЕАЭС). Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/godovye-dannye/eksport-i-import-tovarov-v-2014-2015-gg-6-znakov-tn-ved-eaes/> (дата обращения: 07.01.2019).

Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь (2017) Беларусь вводит пятидневный безвизовый режим для граждан 80 стран. Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/belarus-vvodit-pjatidnevnyj-bezvizovyyj-rezhim-dlja-grazhdan-80-stran-15342/ (дата обращения: 07.01.2019).

Рябков С. (2019) США занимаются политическим эксгибиционизмом. Интервью заместителя министра иностранных дел России Сергея Рябкова главному редактору журнала «Международная жизнь» Армену Оганесяну // *Международная жизнь*. 24 января. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/21484> (дата обращения: 25.01.2019).

- Спартак А.Н. (2017). Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 10. № 4. С. 13–37.
- Суздальцев А.И. (2019) Республика Беларусь: эволюция политики балансирования между Востоком и Западом // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 12. № 2. С. 117–137.
- Суслин Е.Д. (2016) ЕАЭС в условиях действия санкций и контрсанкций // *Инновации и инвестиции*. № 8. С. 154–156.
- Тимофеев И.Н. (2018а) Санкции против России: направления эскалации и политика противодействия. Доклад Российского совета по международным делам № 37. М.: РСМД.
- Тимофеев И.Н. (2018b) Экономические санкции как политическое понятие // *Вестник МГИМО-Университета*. Т. 59. № 2. С. 26–42.
- Хейфец Б.А. (2019) Евразийский экономический союз – время для модернизации // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 12. № 2. С. 29–50.
- Barakhvostov P., Rusakovich A. (2017) Eastern Partnership Countries and Eurasian Integration in 2012–2015 // *Journal of Economic Integration*. Vol. 32. No. 4. P. 804–841.
- Cohen D.S., Weinberg Z.A.Y. (2019) Sanctions Can't Spark Regime Change // *Foreign Affairs*. April 29. Режим доступа: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2019-04-29/sanctions-cant-spark-regime-change?utm_medium=newsletters&utm_source=twofa&utm_content=20190503&utm_campaign=TWOFA%20050219%20War%E2%80%99s%20Sci-Fi%20Future&utm_term=FA%20This%20Week%20-%20112017 (дата обращения: 15.12.2018).
- Connolly R. (2018) *Russia's Response to Sanctions: How Western Economic Statecraft is Reshaping Political Economy in Russia*. Cambridge University Press.
- Mir24.tv (2018) Назарбаев о ЕАЭС: Никакой «реинкарнации» СССР нет и не будет. Режим доступа: <https://mir24.tv/news/16285547/nazarbaev-o-eaes-nikakoi-reinkarnacii-sssr-net-i-ne-budet/> (дата обращения: 15.12.2018).
- Hufbauer G., Schott J., Elliott K., Oegg B. (2009) *Economic Sanctions Reconsidered*. 3rd ed. Peterson Institute for International Economics.
- Togt T. van der (2017) *The “Belarus Factor”: From Balancing to Bridging Geopolitical Dividing Lines in Europe?* Clingendael Report, January. Clingendael Institute.
- World Bank (WB) (n. d. a) GDP (Current US\$). Режим доступа: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?view=map&year=2014&year_high_desc=true/ (дата обращения: 15.01.2019).
- World Bank (WB) (n. d. b) Countries and Economies. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/country> (дата обращения: 15.01.2019).

Sanctions Against Russia and Their Impact on the Eurasian Economic Union¹

E. Makhmutova

Evgeniya Makhmutova – PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; 49 Leningradsky Prospect, Moscow, 125993, GSP-3, Russian Federation; E-mail: EVMakhmutova@fa.ru

Abstract

This article deals with the political and economic implications of sanctions against Russia for the functioning of the Eurasian Economic Union (EAEU), which became operational in 2015.

Assuming that the political conduct of EAEU states is based on political pragmatism, the author concludes that in spite of the fact that they provide official support to Eurasian integration, they also have an interest in acceding to alternative projects that strengthen their sovereignty. Therefore, the major challenge to the Union derives primarily from the political sphere since the number of alternatives to Eurasian integration is gradually increasing, disrupting relations between members and Russia.

In this respect, the correlation between western sanctions and the EAEU's economic growth rate is of great importance. The principal purpose of sanctions is to limit a country's ability to pursue its independent and active policy, including the development of foreign economic projects. Consequently, anti-Russian sanctions must have influenced the EAEU and its key members. In 2016, Russia demonstrated a decrease in gross domestic product (GDP) which had an even greater negative impact on Belarus and Kazakhstan. Nevertheless, they have not only managed to regain lost ground on economic performance, but also to achieve some growth in GDP. Such dynamics confirm the author's hypothesis that the members of the EAEU have room for manoeuvre if some external player influences their political and economic development.

However, the EAEU's internal capacities for dynamic development should not be overestimated. The Union faces problems such as weak aggregate GDP in comparison with the leading world economies, low GDP growth rates in the member states and a relatively low rate of EAEU population growth. In this context, the Union definitely needs to expand its economic influence in the global arena.

Although EAEU states might have divergent interests, the author concludes that a pragmatic assessment of the benefits from participation in the Eurasian integration project, including the preservation of their identity and greater room for manoeuvre in their foreign trade and economic activities, remains the principal factor maintaining the integrity of the Union.

Key words: sanctions; sanctions policy; unilateral restrictive measures; Eurasian Economic Union; Eurasian integration; Russia; Belarus; Kazakhstan; Armenia; Kyrgyzstan

For citation: Makhmutova E. (2019) Sanctions Against Russia and Their Impact on the Eurasian Economic Union. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 3, pp. 99–116 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-05.

References

Barakhvostov P., Rusakovich A. (2017) Eastern Partnership Countries and Eurasian Integration in 2012–2015. *Journal of Economic Integration*, vol. 32, no 4, pp. 804–41.

Cohen D.S., Weinberg Zoe A.Y. (2019) Sanctions Can't Spark Regime Change. *Foreign Affairs*, 29 April. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2019-04-29/sanctions-cant-spark-regime-change> (accessed 15 December 2018).

Connolly R. (2018) *Russia's Response to Sanctions: How Western Economic Statecraft Is Reshaping Political Economy in Russia*. Cambridge University Press.

---

¹ The editorial board received the article in February 2019.

Dolinin V. (2017) A Symbolic Step: Which Countries After Canada Can Lift Sanctions From Belarus? *RT Russia*, 12 July. Available at: <https://russian.rt.com/ussr/article/408411-kanada-snyala-sankcii-belorussiya> (accessed 24 December 2018). (in Russian)

Drobot E.V., Abrosimova A.S., Savitskaya K.S. (2017) Vliyanie sankcij na formirovanie Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [The Impact of Sanctions on the Formation of the Eurasian Economic Union]. *Ekonomicheskie otnosheniya [Economic Relations]*, vol. 7, no 1, pp. 55–63. (in Russian)

Eurasian Development Bank (EDB) (2016) Regional'nye organizacii: tipy i logika razvitiya. Evrazijskij bank razvitiya [Regional Organizations: Types and Logic of Development]. Available at: https://www.eabr.org/upload/iblock/087/edbcentre_2016_report-37_regional-organizations_rus.pdf (accessed 15 December 2018). (in Russian)

Eurasian Economic Commission (EEC) (2014a) Analiz strategij integracionnogo sotrudnichestva (modelej realizacii integracionnogo potenciala) naibolee izvestnyh integracionnyh objedinenij mira. Evrazijskaya ekonomicheskaya komissiya [Analysis of Integration Cooperation Strategies (Models of Realizing the Integration Potential) Among the High-Profile Integration Associations of the World]. (in Russian)

Eurasian Economic Commission (EEC) (2014b) Members of the Customs Union and the Single Economic Space. Brief Statistical Yearbook. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Brief_Statistics_Yearbook_2014.pdf (accessed 15 December 2018). (in Russian)

Eurasian Economic Commission (EEC) (n. d. a) National Accounts. Available at: http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/national.aspx (accessed 24 December 2018). (in Russian)

Eurasian Economic Commission (EEC) (n. d. b) Population. Available at: http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/population.aspx (accessed 15 December 2018). (in Russian)

Eurasian Economic Commission (EEC) (n. d. c) The Volumes, Rates and Ratio of Trade Among the EAEU Member States. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/2018/11/I201811_1.pdf#view=fitV (accessed 24 January 2019). (in Russian)

Hufbauer G., Schott J., Elliott K., Oegg B. (2009) *Economic Sanctions Reconsidered*, 3rd ed. Peterson Institute for International Economics. Columbia University Press.

Kheyfets B.A. (2019) Evrazijskij ekonomicheskij soyuz – Vremya dlya modernizatsii [Eurasian Economic Union: Time for Modernization]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo [Contours of Global Transformation: Politics, Economic, Law]*, vol. 12, no 2, pp. 29–50. (in Russian)

Knobel A.Yu. (2015) Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: perspektivy razvitiya i vozmozhnye prepyatatstviya [Eurasian Economic Union: Prospects for Development and Eventual Impediments]. *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]* no 3, pp. 87–108. (in Russian)

Kuzmina E.M. (2015) Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: ispytanie krizisom [Eurasian Economic Union Tested by Crisis]. *Problemy postsovetskogo prostranstva [Problems of the Post-Soviet Space]*, no 1, pp. 5–16. (in Russian)

Makhmutova E.V. (2018) Centralnaya Aziya v poiskax sobstvennoj integracionnoj modeli [Central Asia in Search for Its Own Way of Integration]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin of MGIMO University]*, no 4, pp. 78–91. (in Russian)

Malysheva D.B. (2019) Politicheskoe vzaimodejstvie central'noaziatskih uchastnikov EAES i Evropejskogo Soyuza [Political Interaction Between the Central Asian Participants of the EAEU and the European Union]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo [Contours of Global Transformation: Politics, Economic, Law]*, vol. 12, no 2, pp. 98–116. (in Russian)

Migranyan A.A. (2014) EAES: segodnya i zavtra [EEU: Today and Tomorrow]. Politologicheskij centr “Sever – Yug” [Political Science Centre “North-South”]. Available at: <http://pcsu.ru/aza-migranyan-eaes-segodnya-zavtra> (accessed 15 December 2018). (in Russian)

Mir24.tv (2018) Nazarbayev on the EAEU: There Is No and Will Not Be Any “Reincarnation” of the USSR, 4 January. Available at: <https://mir24.tv/news/16285547/nazarbaev-o-eaes-nikakoi-reinkarnacii-sssr-net-i-ne-budet/> (accessed 15 December 2018). (in Russian)

President of the Republic of Belarus (2017) Belarus Introduces a Five-Day Visa-Free Regime for Citizens of 80 Countries, 9 January. Available at: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/belarus-vvodit-pjatidnevnyj-bezvizovyj-rezhim-dlja-grazhdan-80-stran-15342/ (accessed 7 January 2019). (in Russian)

Republic of Belarus (n.d.) Export and Import of Goods in 2014–15. National Statistical Committee. Available at: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/godovye-dannye/eksport-i-import-tovarov-v-2014-2015-gg-6-znakov-tn-ved-eaes/> (accessed 24 December 2018). (in Russian)

Ryabkov S. (2019) SShA zanimayutsya politicheskim eksbibicionizmom. Intervyu zamestitelya ministra inostrannyh del Rossii Sergeya Ryabkova glavnomu redaktoru zhurnala “Mezhdunarodnaya zhizn’” Armeny Oganesyany [An Interview With the Deputy Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergei Ryabkov and the International Affairs Journal]. *Mezhdunarodnaya zhizn’* [International Life Magazine], 24 January. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/21484> (accessed 25 January 2019). (in Russian)

Spartak A.N. (2017). Metamorfozy processa regionalizacii: ot regional’nyh torgovyh soglashenij k megaregional’nym proektam [Metamorphosis of Regionalization: From Regional Trade Agreements to Megaregional Projects]. *Kontury global’nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo* [Contours of Global Transformation: Politics, Economic, Law], vol. 10, no 4, pp. 13–37. (in Russian)

Suslin E.D. (2016) EAES v usloviyax dejstviya sankcij i kontrsankcij [EEU in the Context of Sanctions and Counter-Sanctions]. *Innovacii i investicii* [Innovation and Investment], no 8, pp. 154–6. (in Russian)

Suzdaltsev A.I. (2019) Respublika Belarus’: evolyuciya politiki balansirovaniya mezhdru Vostokom i Zapadom [The Republic of Belarus: The Evolution of the Policy of Balancing Between East and West]. *Kontury global’nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo* [Contours of Global Transformation: Politics, Economic, Law] vol. 12, no 2, pp. 117–37. (in Russian)

Timofeev I.N. (2018a) Sankcii protiv Rossii: napravleniya e’skalacii i politika protivodejstviya [The Sanctions Against Russia: Escalation Scenarios and Countermeasures]. Doklad No 37/2018, Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam [Report No 37/2018, Russian International Affairs Council]. Moscow: NPMP RIAC. (in Russian)

Timofeev I.N. (2018b) Ekonomicheskie sankcii kak politicheskoe ponyatie [Economic Sanctions as a Concept of Power Politics]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO-University], no 2, pp. 26–42. (in Russian)

Togt T. van der (2017) The “Belarus Factor”: From Balancing to Bridging Geopolitical Dividing Lines in Europe? Clingendael Report, Netherlands Institute of International Relations. Available at: https://www.researchgate.net/publication/312219934_The_Belarus_factor_from_balancing_to_bridging_geopolitical_dividing_lines_in_Europe (accessed 18 September 2019).

World Bank (WB) (n. d. a) GDP (Current US\$). Available at: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?view=map&year=2014&year_high_desc=true/ (accessed 05 January 2019).

World Bank (WB) (n. d. b) Countries and Economies. Available at: <https://data.worldbank.org/country> (accessed 24 December 2018).